

Сердце Сань Нянь болезненно сжалось, слёзы снова навернулись на глаза. Более трёх лет прошло с тех пор, как она попала в дом семьи Цянь. День и ночь без отдыха ткала она полотно, но так и не ела ни кусочка мяса. А её гээр Цин вырос уже таким большим, а мяса толком и не пробовал, и даже не знал, как оно выглядит.

Вчера за ткань она выручила немного больше вэнь и тихонько припрятала их. Хотела скопить хоть чуть-чуть и потом купить сыну что-то вкусное. Но кто бы мог подумать, что Цянь Гуй неожиданно вернётся и всё у неё вывернет.

Сань Нянь прижимала к себе гээра Цина и уговаривала: “Спи, когда гээр Цин проснётся, тогда будут вкусные пирожки”.

Но мальчик был так голоден, что больше не мог терпеть. Он сосал соломинку и крепко сжимал ручонками одежду матери: “А-Нянь, я голодный... не могу уснуть”.

“Потерпи, засыпай”, — мягко шепнула она.

Линь Юй, надев соломенную шляпу, осторожно подошёл к дровяному сараю семьи Цянь. Стены сарая были все в дырах и он через щели увидел, как Сань Нянь укачивает гээра Цина. Тот, обессиленный, обмяк у неё на руках и сосал во рту соломинку.

Линь Юй вспомнил свои детские годы с матерью. После того как его отец исчез, мать заболела. Но, чтобы прокормить семью, она, преодолевая болезнь, всё равно садилась и вышивала.

Он нащупал у себя за пазухой ещё тёплые пирожки и от этого на душе стало чуть легче. Тихо окликнул: “Сань Нянь, Сань Нянь”.

Гээр Цин увидел, что это тот самый красивый гээр, который угощал его вкусными пирожками, и уже хотел заговорить, но Сань Нянь закрыла ему рот рукой и покачала головой: “Не говори”.

Линь Юй бросил внутрь два мясных пирожка с водным сельдереем и сразу убежал. Сань Нянь оставила сына, поспешила поднять с земли маленький узелок. Мягкий, ещё тёплый — внутри еда. Она торопливо вернулась к гээру Цину: “На, ешь, ешь, малыш”.

Совсем изголодавшийся мальчик вцепился в пирожки и начал жадно грызть. Сань Нянь гладила его по голове: “Тс-с, только не разговаривай”.

Гээр Цин послушно кивнул. Его худенькое желтоватое личико раздувалось, пока он жевал.

“А... А-Нянь, ты тоже ешь”, — сказал он, протягивая матери пирожок.

Его грязные ручонки оставили чёрные отпечатки на белом и пухлом тесте. Сань Нянь

наклонилась и откусила кусочек: “Хороший мальчик, у мамы ведь ещё один есть”.

Она сразу почувствовала вкус мяса. Оказалось, гээр Юй дал ей именно мясные пирожки. Тогда Сань Нян схватила второй пирожок и принялась жадно его есть.

Когда Линь Юй вернулся домой, сразу пошёл искать Вэй Циншаня. Тот как раз кипятил воду. Увидев его, Вэй Циншань поманил рукой: “Иди, погрейся, прогони сырость”.

Линь Юй послушно сел у огня. Он промок, когда ходил к соседям, а весенняя морось уже почти целый день не прекращалась.

Два человека умылись и легли на только что сколоченную кровать. Линь Юй, устроившись в сухом и тёплом одеяле, слушал, как мелкий дождь стучит по окну:

“Должен... должен скоро закончиться, да?”

“Угу. Если завтра дождя не будет, я схожу в горы посмотреть”.

“Я... я тоже хочу пойти”.

“Только что прошёл дождь, горная дорога труднопроходимая. Ты побудь дома, а через пару дней вместе сходим”.

Линь Юй, спрятав пол лица в одеяло, заметил, что даже рядом с ним Вэй Циншань сегодня лежит особенно прямо. Он тихонько позвал: “Цин... Циншань”.

Вэй Циншань перевернулся и прижал к себе человека рядом: “Если будет больно — скажи мне”.

Линь Юй прикусил губу и не осмелился издать ни звука, боясь, что, как и в брачную ночь, испортит настроение Вэй Циншаню.

Но боль была нестерпимой. Он, дрожа, руками обхватил шею Вэй Циншаня и тяжело дышал.

Вэй Циншань мягко гладил его, но всё равно было больно.

Вэй Циншань не смел слишком увлекаться — всего пару раз и остановился. Крепко обнял своего маленького фулана и тяжело вздохнул. Ему было хорошо, но описать это чувство он не мог: радость в душе оказалась даже сильнее той, когда он вместе с учителем убил тигра.

Вэй Циншань похлопал маленького фулана по спине. Полусонный Линь Юй слегка вздрогнул:

“Не... не надо больше”.

“Угу. Спи. Больно?”

“Н-нет, не больно”.

Вэй Циншань, довольный, прижал к себе маленького фулана, решив, что тот чувствует то же самое, просто слишком стесняется сказать.

На следующий день, когда Вэй Циншань встал, Линь Юй всё ещё спал, выставив наружу половину лица. Чёрные длинные волосы послушно рассыпались по подушке. Вэй Циншань не удержался и тихо рассмеялся: маленький фулан, должно быть, вчера сильно устал. А ещё, мастерство Ши оказалось на высоте: кровать за всю ночь не издала ни единого скрипа.

Он тихонько отправился на кухню готовить. Со вчерашнего дня оставалось немного лепёшек из крупы с дикими травами. Вэй Циншань нахмурился: хоть ему это и казалось вкуснее, чем всё, что он ел прежде, но нельзя же кормить уставшего маленького фулана такой грубой пищей.

Он замесил белую муку и испёк несколько лепёшек, а ещё пожарил два яйца — боялся, что Линь Юй сам не станет есть, пожалеет продукты. Себе же подогрел оставшиеся грубые лепёшки с травами и съел, а потом вышел из дома. Ему нужно было чаще ходить в горы на охоту. Его маленький фулан был слишком худым, брать его на руки было страшно — вдруг навредишь.

Вэй Циншань с корзиной за спиной ушёл в горы. Когда Линь Юй проснулся, солнце уже поднялось.

“Циншань? Циншань?” — позвал он пару раз, но никто не ответил. Видно, уже ушёл в горы.

Линь Юй пошевелился и почувствовал боль. Тётя Ли была права — первый раз действительно очень мучителен. Чувствуя себя неважно, он всё же встал, чтобы согреть воды.

Шёл он неуверенно, ноги казались подгибающимися. Приоткрыв крышку котла, увидел внутри тёплые белые лепёшки и тарелку жареных яиц.

Линь Юй ощутил тепло на сердце. Согрел воду, переоделся и только потом сел есть.

После еды ему стало легче. Он выпустил из клетки цыплят побегать, Байсюэ тоже вывел поиграть во дворе.

После весеннего дождя в его маленьком огорожке семена дружно дали всходы. Линь Юй был безмерно счастлив, смотрел раз за разом и никак не мог насмотреться.

“Гээр Юй! Ты сегодня дома?” — Хэ Дун подошёл с корзиной для вышивки: “Ох, вчера дождь лил, выйти было нельзя — скукотища смертная! Мама заставила меня целый день цветы вышивать. Как хорошо, что ты дома!”

Линь Юй тоже обрадовался, вынес скамеечки и они с Хэ Дуном сели во дворе греться на солнце.

Линь Юй как раз был свободен. Увидев пальцы с вышивкой у Хэ Дуна, ему захотелось попробовать. Столько лет не вышивал, что пальцы словно задеревенели.

Хэ Дун показал ему пальцы: “Гээр Юй, смотри, этот лист у меня никак не получается вышить”.

“Дай-ка посмотрю”.

Стоило Линь Юю протянуть руку, Хэ Дун тут же всунул ему пальцы, будто спасение увидел: “Ты вышивай, ты вышивай! Я совсем не способен на это, а мама всё равно заставляет меня учиться”.

Хэ Дун вытянул ноги и с удовольствием отлынивал от работы. Вдруг он услышал громкий писк: “Гээр Юй, у тебя цыплята?”

“Да, позавчера в городке купил”.

Хэ Дун сразу оживился, бросил вышивку и пошёл во двор посмотреть на цыплят.

Линь Юй, опустив голову, продолжал вышивать. Он думал, что в свободное время мог бы вышить пару платочков или саше — так можно было бы хоть немного подзаработать.

Когда Хэ Дун наигрался и вернулся, Линь Юй уже успел вышить немало. Тот вытянул шею, посмотрел и воскликнул:

“Гээр Юй, ты и вправду мастер, даже лучше, чем моя невестка вышиваешь”.

Линь Юй усмехнулся:

“Если так не нравится, почему не скажешь матушке?”

Хэ Дун, обычно прямолинейный, притих, потёр руки, и по лицу его скользнула румяная тень:

“Мне ведь уже пятнадцать. Мама велела научиться, чтобы потом самому вышить свадебный наряд. Ай, гээр Юй, да ты прямо ужас какой!”

Он легонько толкнул его плечом: “Гээр Юй, а как тебе вообще женитьба?”

Линь Юй густо покраснел и замямлил в ответ: “Н-ну... ничего”.

Жить с Вэй Циншанем ему и вправду нравилось. Куда лучше, чем прежде в доме Чжао. Вэй Циншань заботливый, хоть и не богат, но понемногу накопить всегда можно.

Всё было хорошо, только вчерашнее ему всё же не пришлось по душе.

Хэ Дун не отставал: “Что значит “ничего”? Ты скажи прямо, как оно?”

“Очень... очень хорошо”, — смущённо выдавил Линь Юй, уткнувшись в вышивку, боясь дальнейших расспросов. Какая девушка или гээр не думает о весне в сердце? И Хэ Дун сам немного смутился: “А я хочу себе красивого! Хе-хе”.

Линь Юй не ответил, продолжая краснеть и вышивать. Хоть руки у него ещё не совсем набиты, но прогресс был заметен.

“Сань Нян! Сань Нян! Где горячая вода, что я велел? Живо!” — из соседнего двора донёсся голос Цянь Гуя.

Хэ Дун вытянул уши, прислушался и сказал: “А, Цянь Гуй вернулся”.

Линь Юй только хмыкнул, а Хэ Дун зашептал сплетни: “Этот Цянь Гуй — пропащий человек: пьёт, играет, да ещё и жену бьёт. А старая Цянь всё равно души в нём не чаёт. С тех пор как он женился, я почти и не видел Сань Нян — всё дома вкалывает”.

Хэ Дун холодно фыркнул: “Выйти замуж за такого подлеца? Я лучше совсем не выйду”.

“А у Сань Нян в доме кто-то ещё остался?”

“Слышал, вроде есть брат, да только ни разу не появлялся”.

Линь Юй не хотел судачить о чужих делах. Даже о вчерашней ссоре в семье Цянь он ничего не рассказал Хэ Дуну. Так они и просидели всё утро, склонившись над вышивкой и беседа.

К полудню Хэ Дун вернулся домой. Мать как раз готовила обед.

“Мам, я вернулся!” — позвал он.

Услышав голос во дворе, вторая невестка семьи Хэ тоже вышла: “Гээр Дун пришёл. Как у тебя сегодня с вышивкой?”

“Неплохо”.

Невестка Хэ окинула его взглядом. Хэ Дуну уже исполнилось пятнадцать — возраст, когда начинают сватать. Сегодня, выйдя по делам, она столкнулась с Ся Хэуа и та обмолвилась о своём брате.

Отношения у второй невестки Хэ с Ся Хэуа были хорошие и она подумала: а что, если бы гээр Дун вышел за брата Хэуа? Мысль показалась ей неплохой и она невольно задумалась об этом.

Хэ Дун не заметил испытывающего взгляда. Поставив корзинку с вышивкой, он сразу прошёл на кухню.

Пообедав, он снова собрался пойти к Линь Юю, но вторая невестка Хэ его остановила: “Гээр Дун, не бегай туда-сюда, сиди дома и вышивай”.

“Я хочу к гээру Юю поиграть”.

“Ты же ещё неженатый гээр, нехорошо тебе каждый день бегать по дворам”.

Хэ Дун нахмурился. Что такого, если он выйдет поиграть? Даже мать его не упрекала. Тут вмешалась старшая невестка: “Пусть идёт, раз хочет. Я видела, у гээра Юя с вышивкой хорошо выходит, лучше, чем у меня. Как раз научится у него”.

Лицо Хэ Дуна тут же прояснилось: “Вот именно, вот именно!”

“Эй, гээр Дун, подожди”, — вторая невестка Хэ остановила его: “У меня есть к тебе пара слов”.

“Что? Говори уже”.

“Сейчас узнаешь”.

Вторая невестка Хэ вела себя таинственно. А Хэ Дун рвался к Линь Юю, но, раз его удержали, уйти не удалось.

И тут, пока они разговаривали, во двор вошла Ся Хэуа: “Гээр Дун, ты дома?”

Мать Хэ не слишком жаловала Ся Хэуа, но и повода ссориться с ней не имела. Всё же из одной деревни, бывает заглядывает в гости. Мать Хэ придвинула табурет: “Хэуа пришла”.

Ся Хэуа обменялась парой любезностей и тут же тепло взяла Хэ Дуна за руку: “Нашему гээр Дуну уже пятнадцать, верно? Всё краше и краше становится”.

У Хэ Дуна от этих слов мурашки по коже побежали. Что это ещё за представление? Ещё пару дней назад она закатила ему глаза, когда он её осадил, а теперь улыбается, будто ничего и не случилось.

Он совсем не любил Ся Хэуа, особенно за то, что она притесняла гээра Юя.

Увидев холодное лицо Хэ Дуна, Ся Хэуа неловко хихикнула: “В общем... тётушка, я сегодня пришла, чтобы предложить гээру Дуну одно сватовство. У меня старший брат тоже уже в возрасте. Не переживайте, мой материнский дом совсем рядом с городком, можно сказать, наполовину “городские”, а там и для мелкой торговли удобнее всего”.

Мать Хэ и так знала, что ничего хорошего от прихода Ся Хэуа не будет. Она притянула сына к себе: “Гээр Дун ещё мал, я хочу подождать хотя бы год-другой”.

“Ну что тут такого? Пока помолвка, пока готовиться — всё равно полгода-год пройдёт”, — вмешалась вторая невестка, пытаюсь поддержать.

Мать Хэ зыркнула на неё: “Нашлась тоже, тебе ли решать за гээр Дуна!”

Услышав, что речь идёт о старшем брате Ся Хэуа, Хэ Дун так разозлился, что схватил корзинку с вышивкой и направился к выходу: “Мама, я к гээру Юю пойду играть”.

“Иди, иди”.

“Эй, гээр Дун! Подожди! Подожди же!” — пыталась его окликнуть Ся Хэуа, но он даже не обернулся.

Мать Хэ тоже не стала обращать внимания, холодно фыркнула и ушла в дом. А вторая невестка с неловкой улыбкой проводила Ся Хэуа: “Видишь сама, свекровь моя не согласна”.

Ся Хэуа снова взяла её за руку, притворно ласково: “Ты только помоги пару слов замолвить. У нас семья не бедная, а я ведь на гээра Дуна глаз положила, потому и пришла”.

Но стоило второй невестки Хэ вернуться в дом, как Ся Хэуа тут же сменила лицо: раздражённо махнув платочком, пошла прочь. Ещё и гээр Дун, осмелился ей холод показать! Не будь он хоть немного пригож собой, она бы и не подумала сватать своего брата.

Как только вбежала жена второго сына, её тут же окликнула хозяйка дома:

“Невестка, иди сюда”.

“Мама”.

“Кто это всё заварил?”

“Что кто заварил? Это Ся Хэуа сказала, а я подумала, можно и присмотреться”.

“Пока я, мать гээра Дуна, жива, да даже если меня не станет, есть ещё его старшая невестка. До тебя очередь не дойдёт. Я же тебе уже давно говорила: не водись с этой Ся Хэуа, а ты всё не слушаешь”.

Жена второго сына, выслушав нагоняй, почувствовала сильную обиду: “Я ведь тоже ради гээра Дуна стараюсь. У Хэуа материнский дом ближе к городку, у них жизнь всё равно получше, чем у нас”.

“Молчи! Эй, Эр! Эр!”

Услышав крик, зашёл Хэ Эр: “Что такое, мама?”

“Что такое, что такое!” — сердито глянула на него мать Хэ: “Ты глянь на свою хорошую жену! Взяла и решила сосватать гээра Дуна старшему брату Ся Хэуа. Да кто такая эта Ся Хэуа? Разве у неё брат может оказаться хорошим человеком? Да и потом, сама Хэуа уже замужем, а её брат всё ещё не женат. Если бы он был путёвым, разве досидел бы до сих пор без жены?”

Хэ Эр дёрнул за руку свою жену и, глянув на неё недовольно, сказал:

“Мама не любит Ся Хэуа, а ты всё равно с ней водишься. Да и потом, у нас ведь за гээра Дуна замужество мама решает”.

“Я же только ради гээра Дуна!” — оправдывалась вторая невестка, чувствуя несправедливость. Никакой выгоды ей не досталось, а в итоге сама ещё и виноватой осталась: “И потом, что ж, выходит, раз мама сблизилась с семьёй Вэй Циншаня, то мне теперь нельзя дружить с Хэуа?”

Услышав это, хозяйка тяжело вздохнула. Её вторая невестка не была злым человеком, просто характер у неё был простодушный и прямолинейный: поди с Ся Хэуа подружилась, та её обманет, а она же будет помогать деньги считать.

Хэ Дун тоже сердился. Как только пришёл к дому Линь Юя, сразу сжал кулачки и нахмурился. Линь Юй налил ему чашку горячей воды, положив туда два красных финика: “Кто тебя так рассердил? Утром ведь всё нормально было”.

“Моя вторая невестка! Ты представляешь, она сватать меня надумала за брата Ся Хэуа! Да я чуть с ума не сошёл от злости!”

“Что?”

Линь Юй не решился ничего сказать. В прошлый раз Ся Хэуа у них дома уже устроила скандал и впечатление о ней у него было совсем нехорошее. А её брата он вообще не знал.

“Не злись. Выпей воды”.

Хэ Дун сердито глотнул воды. Сладкая вода с красными финиками немного уняла его гнев:

“Ты не знаешь, какая эта Ся Хэуа. Как она себя ведёт, так и её брат будет. А пару лет назад, когда семья Вэй ещё не делилась, Ся Хэуа часто с размахом приходила к матери с фазаном или кроликом”.

Линь Юй лишь кивнул, эти фазаны и кролики, видимо, были добычей Вэй Циншаня.

После обеда Линь Юй продолжил вышивать для Хэ Дуна. ХэДуну очень хотелось превратить этот кусок ткани в небольшой кошелёк и носить его при себе. По пути домой он совсем не обращал внимания на вторую невестку: только фыркнул, увидев её, и вошёл в дом.

Линь Юй взял два вэнь и пошёл покупать тофу. Дома почти не было еды, но, как бы ни была трудна жизнь, нельзя было позволять Вэй Циншаню есть плохо. После тяжёлого дня, дома он должен был поесть что-то хорошее.

Вечером Линь Юй приготовил жареный тофу с портулаком, у края сковороды подгорели несколько лепёшек из смеси белой и кукурузной муки. Он глянул на дверь: сегодня Вэй Циншань опять возвращался поздно. Линь Юй волновался — недавно шёл дождь, горная дорога была скользкой.

К счастью, когда стемнело совсем, Вэй Циншань вернулся. Линь Юй быстро подошёл помочь снять с него корзину: “Вернулся”.

“Да, съездил в городок, потому и задержался”.

Когда Вэй Циншань вошёл в дом, Линь Юй наконец разглядел его — вся одежда была в грязи. Линь Юй вскрикнул от тревоги: “Что случилось? Ты не упал?”

“Нет, сегодня я не заходил глубоко в гору. Вчера мы собрали много водяного сельдерея, а ещё обнаружил внизу в травяных гнёздах рыбу, поймал немало. Наверное, дождь помог, много большой рыбы вышло в низовье”.

Линь Юй сильно переживал за него. Только что прошёл дождь, а сегодня ещё и холодно. Дома он надел на Вэй Циншаня маленькую стёганую куртку, тот прямо прыгал в воду за рыбой и нижняя часть его тела вся была в грязи. Как же холодно ему было!

Вэй Циншань принёс бамбуковую корзину: “Рыба свежая, её можно продать дорого. Я и пошёл в город с рыбой и дикими овощами, вот почему задержался. Видишь, я специально оставил одну для нас”.

Линь Юй заглянул в бамбуковую корзину. Там лежала большая рыба, почти с его руку длиной. Он отнёс её на кухню и поспешил принести Вэй Циншаню горячей воды: “Быстрее умывайся и садись есть”.

“Гээр Юй, помоги мне ещё горячей воды набрать, я сразу помоюсь и переоденусь”.

“Ладно”.

Еда уже была готова, котёл вымыт, а в нём горячей водой грелся рис. Линь Юй поспешил зачерпнуть оттуда воды и принёс её в зал для Вэй Циншаня: “Быстрее мойся, я ещё подогрею”.

“Этого достаточно”.

Пока Вэй Циншань мылся, Линь Юй занялся рыбой. Половину он приготовил в тушёном виде. Боясь, что Вэй Циншань может замёрзнуть, он нарочно положил побольше красного перца, чтобы согреться, так что сам чихнул несколько раз.

Услышав это из комнаты, где мылся, Вэй Циншань спросил: “Гээр Юй, ты что, вчера застудился?”

Лицо Линь Юя покраснело, он поспешно ответил: “Н-нет, это от перца”.

Только тогда Вэй Циншань успокоился — боялся ведь, что ночью не уследил и его маленький супруг простыл.

Когда он вымылся и переоделся в чистое и сухое, как раз приготовилась рыба. Линь Юй подал еду: тушёная рыба с перцем, жареный с одуванчиком тофу и лепёшки из пшеничной и ячменной муки.

Проголодавшийся Вэй Циншань сразу взялся за лепёшку. Пусть это была простая лепёшка, но поджаренный до хрустящей корочки низ, обмакнуть в красноватый рыбный бульон, делало её очень вкусной.

Линь Юй не слишком любил острое, но рыба вышла отменная, он тоже съел с лепёшкой

несколько кусочков, а вот тофу ел охотно и много.

Вэй Циншань налил ему чашку горячей воды и поставил перед ним:

“Макай сюда и ешь, а в следующий раз не делай так остро”.

“Я могу есть острое, просто в этот раз слишком много положил”.

Поев, Вэй Циншань высыпал на стол заработанные за день вэнь: “Сегодня нам повезло — наткнулись на ту стаю рыбы, да ещё и много продал срезанного водяного сельдерея”.

Линь Юй даже опешил: “Как их так много!”

“Сегодня рыбы наловил немало. Сейчас рыба в дефиците, поэтому и продаётся дороже”.

Погода стояла холодная и мало кто решался лезть в воду за рыбой. Вэй Циншань унёс на продажу полкорзины — ушло нарасхват. Пересчитав, оказалось, что за день они выручили больше трёхсот вэнь!

Линь Юй нашёл пеньковую верёвку и связал каждую сотню медяков в связку: как только наберётся целая “подвеска” (тысяча вэнь), можно будет обменять её в городке на маленький серебряный слиток.

Он вынес из укромного места маленькую деревянную шкатулку, куда складывал деньги. Прибавив сегодняшнюю выручку, внутри оказалось уже восемь подвесок. Ещё чуть больше двух сотен и можно будет выменять один серебряный слиток!

“Завтра я пойду с тобой в горы. Через некоторое время дикие овощи перестанут быть в таком дефиците”.

“Ладно”.

“Тогда выйдем ещё до рассвета. Иначе, когда доберёмся до уезда, зелень уже не будет свежей”.

“Тружусь ради своего фулана”, — улыбнулся Вэй Циншань.

Сейчас дикие овощи ценились даже больше, чем добытая на охоте дичь. За день на продаже зелени можно было выручить немалую сумму. Раньше весной он изредка лишь ловил мелкую дичь, но теперь всё было иначе: у него появился маленький фулан, и он не хотел, чтобы тот жил впроголодь.

Вечером они рано легли спать. Вэй Циншань только обнял Линь Юя и так уснул. Едва пропели первые петухи, Линь Юй уже поднялся. Он толкнул спящего рядом Вэй Циншаня: “Циншань, пора вставать”.

“Так рано идти?”

“Дикая зелень по утрам лучше продаётся. Мы нарвём, а потом ещё нужно будет в городке сбыть её”.

Поев, они закинули за плечи бамбуковые корзины и отправились в путь. Цыплят Линь Юй запер в главной комнате. Снаружи ещё было темно, дороги не видно, поэтому они шли с факелами. Две охотничьи собаки увязались следом.

В горах путь был неровный, чем дальше заходили, тем гуще становился лес и тем темнее становилось вокруг. Впереди прокладывал дорогу Дахэй, в середине Вэй Циншань вёл за руку Линь Юя, а позади шагал Байсюэ, прикрывая тыл.

Идти было непросто. То и дело вспугивали горлиц, отдохавших среди деревьев, те с шумом взлетали, трепеща крыльями. Линь Юй впервые ночью заходил в лес, ему было страшновато, но держась за руку Вэй Циншаня, он почувствовал себя куда спокойнее.

Оба добрались до того места, где рос водяной сельдерей. На рассвете было ещё серовато, но уже можно было различать предметы. Они поставили корзины и начали срезать травы. Когда совсем рассвело, уже набрали немало. Заросли водяного сельдерея были обширные — им хватило бы работы на несколько дней.

Дикая зелень свежа только в этот сезон, потом спрос на неё падает, поэтому Линь Юй спешил нарезать побольше и отвезти в городок на продажу.

Вэй Циншань снял обувь, закатал штанины: “Я зайду в воду, сегодня прихватил с собой сачок”.

“Осторожнее”.

“Ничего страшного”.

Вэй Циншань специально притащил сачок: сетка натянутая на две палки. Он держал палки в руках и подхватывал ею в воде рыбу — это было куда быстрее, чем ловить голыми руками, как вчера.

После дождя вода в речке поднялась и с верховья спустилось много рыбы. Уходя вчера, он специально натянул поперёк реки ветки, чтобы задержать её.

Держа палки, Вэй Циншань медленно шёл по воде. Когда чувствовал, что в сеть попало что-то, сразу поднимал её и швырял рыбу на берег. Линь Юй тут же собирал её. В первый их приход в этой речушке водилась только мелочь, а теперь, после дождя, приплыли даже крупные рыбины!

Первая же рыба, вытасченная на берег, была с его предплечье длиной!

Вэй Циншань направился дальше к зарослям прибрежной травы, где обычно пряталась рыба. Иногда, когда он поднимал сеть, в ней оказывалось сразу по две-три штуки.

Полчаса спустя вся эта речная заводь с крупной рыбой оказалась почти выловлена. Ветки, задерживающие рыбу, по-прежнему стояли ниже по течению — завтра можно будет снова заглянуть.

Когда Вэй Циншань выбрался на берег, Линь Юй поспешил протянуть ему бамбуковую колбу:

“Выпей имбирной воды, чтобы согреться”.

Вэй Циншань сделал пару глотков. Хотя весенняя вода была ледяная, он держался неплохо: принесённая имбирная вода всё ещё оставалась горячей, к тому же он сам по себе крепкий — так что это пошло ему только на пользу.

Сегодняшний улов оказался больше вчерашнего. Тогда он наловил лишь полкорзины — с десяток рыб. А сегодня корзина была доверху полна и довольно крупной рыбой.

Когда они собрали вещи, солнце уже начинало подниматься. Чтобы продать побольше, Вэй Циншань сверху ещё подложил в свою корзину водяной сельдерей, а корзина Линь Юя и вовсе была набита так, что вот-вот готова была расплзтись. Вэй Циншань пожалел своего фулана и хотел, чтобы он нёс поменьше, но Линь Юй сказал, что всё в порядке: “Я могу нести”.

Они выбрали другую дорогу, чтобы спуститься в городок, и на это всё равно уходил целый час. Даже пустая корзина была Линь Юю почти до пояса, а нагруженная доверху — совсем нелегко. Он вытер пот со лба и, стиснув зубы, шагал вперёд.

Когда они вышли на главную дорогу, там как раз попадались телеги с быками, направлявшиеся в городок. Вэй Циншань, видя, как его молодой фулан устал и вспотел, только сильнее жалел его. Ведь хорошие дни ещё толком не начались, а Линь Юй уже вынужден так трудиться.

“Гээр Юй, давай доедем до города на бычьей повозке. А то и овощи, и рыба по дороге не такими свежими будут выглядеть”.

Линь Юй подумал и согласился: ради такой мелочи, как несколько медяков, терять в цене товар — невыгодно.

Вэй Циншань остановил повозку, поставил на неё обе корзины. Линь Юю сразу стало легче, он как раз вытирал пот, когда Вэй Циншань взял его за талию и усадил в повозку: “Возница, поехали”.

“Я не сяду, не сяду!” — замахал руками Линь Юй.

Но Вэй Циншань шёл рядом и мягко прижал его вниз: “Если ты вымотался, то как мы потом будем собирать овощи и зарабатывать? Будь послушным”.

Линь Юй, смущаясь, уселся. В повозке уже были люди и товары. Это был первый раз, когда он ехал на бычьей повозке. Раньше, пока жил в доме Чжао, он и мечтать о таком не смел.

Шаг у Вэй Циншаня был быстрый, он мог идти вровень с телегой. Так что вместо часа они добрались до городка за полчаса. На рынке ещё шёл утренний торг, было очень шумно и оживлённо.

Они нашли свободное место, Вэй Циншань пошёл заплатить за торговлю и взять разрешение, а Линь Юй тем временем, пока рыба ещё была живой, а сельдерей свежим, поспешил разложить товар.

Он расстелил на земле два старых куска ткани, сперва достал верхний слой из корзины с рыбой. Там оказалось немало водяного сельдерея, почти полкорзины.

А под сельдереем рыба ещё хлопала хвостами и раскрывала пасть. Линь Юй выбрал несколько рыбин и положил на землю. Ведь только что началась весна, мясо у рыбы в эту пору особенно вкусное и плотное, самое лучшее время для еды.

Когда Линь Юй все приготовил, Вэй Циншань еще не вернулся. Он присел возле прилавка и стал поглядывать на свой товар. Подражая соседней бабушке, что зазывала покупателей, он разжал губы: “Про... продаю рыбу, про... продаю водяной сельдерей”.

Голос у него был такой тихий, что слышали только соседи по ряду. Торговавшая нитками старушка рассмеялась:

“Гээр, так нельзя зазывать! Слишком тихо, люди и не услышат. Да и цену лучше сразу объявляй, тогда всем ясно будет”.

Линь Юй кивнул. Вэй Циншань перед уходом назвал ему цены. Он собрался с духом, лицо у него покраснело, кулаки сжались, и он, набравшись храбрости, крикнул: “Про... продаю рыбу! Большая — двадцать вэнь, маленькая... маленькая — пятнадцать вэнь! Во... водяной сельдерей по два вэнь за пучок!”

Женщина с корзиной остановилась и сразу указала на самую большую рыбу на прилавке: “Эту

беру!”

Кто успел, тот и купил. Большую и мелкую рыбу они разложили по отдельным кучкам. На рынке только у них одних продавалась живая рыба — свежая, еще ртом хватала воздух!

Женщина положила медяки и забрала рыбу. Линь Юй, принимая деньги, даже немного растерялся — вот так сразу и продал?

Его лицо озарила улыбка, смелости прибавилось:

“Продаю рыбу! Большая — двадцать вэнь, маленькая — пятнадцать! Водяной сельдерей по два вэнь за пучок!”

Рыба у Линь Юя еще шевелилась, а дикая зелень была нежной, с каплями воды, очень свежая. Лежала на земле зелёная, яркая, так и радовала глаз.

Когда Вэй Циншань вернулся с разрешением, возле их прилавка уже толпилось немало людей.

“Ай-ай, твой фулан ну прямо упрямый!” — возмутилась какая-то тётка: “Это ж явная мелкая рыбёшка, а он всё равно в кучку с большими положил. Давай за пятнадцать возьму”.

“Тётушка, это большая рыба. Если хотите — выбирайте в кучке с мелкими”.

“Гээр, вот эту я беру, держи деньги!”

Все норовили ухватить самую крупную. Но и мелкую рыбёшку разбирали неплохо. Кто замешкался, тот только и мог досадовать, что упустил добычу.

Голос его маленького фулана был негромким, среди криков женщин и фуланов в толпе, звучал мягко и тихо. Неожиданно для Вэй Циншаня, даже в его отсутствие Линь Юй справлялся очень хорошо.

“Госпожа, у вас в руках большая рыба. Если вы хотите именно крупную, то в корзине есть ещё. Я выберу, а вы потом посмотрите”.

Увидев, что Вэй Циншань вернулся, глаза Линь Юя засветились: “Ты... ты вернулся”.

“М-м, отлично справился”.

Линь Юй улыбнулся. Без Вэй Циншаня ему было трудно: кто-то хотел рыбу, кто-то дикие овощи. Только что одна покупательница взяла у него рыбу, да ещё прихватила больше водного

сельдерея, чем положено. Линь Юй ничего не сказал.

Теперь, когда Вэй Циншань вернулся, он смог сосредоточиться на продаже овощей.

Вэй Циншань достал из корзины ещё несколько больших рыб и положил на прилавок. Та самая женщина, что капризничала ранее, поспешно бросила рыбу, что держала, и взяла побольше, а уходя, ещё ухватила у Линь Юя несколько стеблей сельдерея.

Вэй Циншань повернул голову и сказал Линь Юю: “Не позволяй им выбирать. Ты сам хватай по пучку и связывай, как раньше”.

Линь Юй кивнул. Он взял охапку, связал и аккуратно разложил. Покупатели подходили — он сразу выдавал. А ведь раньше, когда он отвлекался на продажу рыбы, сами перебирали, выбирали, ещё и брали больше, чем следовало.

Теперь, когда у него освободились руки, он сам складывал всё ровно, ряд за рядом, выглядело очень привлекательно.

На рынке дикие овощи продавали и другие, но не в таком количестве и не такие свежие, как у Линь Юя. А позади у них ещё целая корзина сочного зелёного сельдерея. Вид был очень радостный.

У его маленького прилавка собралось немало людей. В прошлый раз, когда они приходили, утренний базар уже заканчивался, а сегодня они пришли раньше и базар ещё шёл. Женщины и гээры выходили за покупками, брали продукты к завтраку. У Линь Юя дела шли даже лучше, чем раньше.

По два вэнь за пучок сельдерея — это было не так уж дорого. После зимы, когда ели одну редьку да квашеные овощи, всем хотелось сменить вкус. А овощи на огороде ещё не спели. Поэтому Линь Юй вскоре снова взял целую охапку и выложил впереди.

Кто-то попытался поторговаться: “Эй, фулан, отчего твои дикие овощи такие дорогие? Вон там два пучка за три медяка дают!”

“Мо... мои лучше”.

Линь Юй сказал чистую правду. У того прилавка, на который указал покупатель, он издали видел: там продавали одуванчики, пастушью сумку, подорожник. Всё это можно без труда собрать у подножия горы, надо лишь немного потратить времени.

Вэй Циншань вставил слово: “Этот водяной сельдерей мой супруг ещё с рассветом пошёл в горы собирать, свежий-свежий, мы поспешили принести его в город. Видите, он и сейчас ещё с капельками воды”.

И правда, на других прилавках лежали обычные дикие травы, тусклые, припылённые, а у Линь Юя яркие, сочные, блестящие.

Торговля у них шла отлично: не прошло и часа, как всё распродали. Причём было ещё совсем рано, даже до полудня далеко.

Линь Юй прибрал прилавок, оставшееся отдал бабушке с соседнего прилавка. Та обрадовалась и не переставала благодарить. Линь Юй только улыбнулся, ведь именно эта бабушка и научила его, как зазывать покупателей.

Медяки за рыбу и овощи он сложил в корзину, высланную куском старой тряпицы, сверху прикрыл этой же тряпицей. Сегодняшняя выручка была хорошая: медяки покрыли всё дно корзины.

Линь Юй с волнением смотрел на свою корзину, словно боялся, что деньги исчезнут. Вэй Циншань, руки которого ещё пахли рыбой, вытер ладони об тряпку и сказал: “Подожди меня тут немного. Я схожу куплю еды и пойдём домой”.

Линь Юй послушно кивнул. Вэй Циншань и не спрашивал, что захочет его фулан. Если спросить, тот выберет только что-нибудь дешёвое, так что Вэй Циншань решил купить сам.

Линь Юй остался сторожить корзину, греясь на солнце. Утром, когда они шли в горы, было холодно, он надел короткую куртку, а под неё стёганку. Теперь, когда солнце поднялось, ему стало жарковато.

Он взял бамбуковую фляжку и сделал пару глотков воды. Соседняя бабушка заговорила с ним: “Гээр, ты откуда родом? Слышала, твой муж сказал, что вы с утра пораньше в горы ходили. Тяжело вам, ох и тяжело”.

Линь Юй улыбнулся: “Мы с мужем из деревни Луцзя”.

“Ай-ай, так это же неблизко!”

Линь Юй кивнул.

“Вы с мужем такая красивая пара! По всей улице вряд ли найдутся двое, что будут красивее вас”.

Линь Юй от похвалы зарделся. А тут как раз вернулся Вэй Циншань с едой. Он успел услышать, как его фулан мягким, нежным голоском говорил соседке: “А мой муж охотник”.

Вэй Циншань на мгновение замедлил шаг, спрятал улыбку в уголках губ и подошёл: “Гээр Юй,

идём кушать”.

Линь Юй поспешно поднял голову, не зная, слышал ли Вэй Циншань то, что он только что говорил. Щёки его слегка залились румянцем.

Вэй Циншань протянул еду: он купил мясные лепёшки, сладкие пирожки и мягкий рисовый кекс. Всего этого Линь Юй раньше не пробовал. Но сегодня они заработали хорошо и потому тратить было уже не так жалко.

Поев, они отправились обратно. На обратном пути Вэй Циншань хотел нанять бычью повозку, но Линь Юй ухватил его за рукав: “Не надо, не надо, в корзинах уже почти ничего нет, мы потихоньку дойдём”.

“Это недорого. Давай поедем, раньше вернёмся, отдохнём, завтра ведь снова рано вставать”.

Вэй Циншань отсчитал медяки и, обхватив Линь Юя за талию, усадил его на повозку. Сам он не сел, привыкший к долгим походам по горам, усталости он не чувствовал. Но его маленький фулан был слабым и худым. Он ведь только недавно женился, а уже пришлось вместе ходить в горы. Вэй Циншань жалел его всем сердцем.

Повозка немного подождала у въезда в город и тронулась. Вэй Циншань шёл рядом. Деревянная повозка покачивалась на ходу, Линь Юй, вставший сегодня очень рано и уставший от работы, вскоре стал клевать носом.

Его голова склонилась вбок, почти ударившись о каркас повозки, но Вэй Циншань, внимательно следивший за ним, поспешно подставил ладонь, позволив Линь Юю спать, уронив голову на его руку.

Вместе с ними в повозке ехали две тётушки с детьми. Одна из них, улыбнувшись, тихо сказала: “Этот фулан настоящий счастливчик, нашёл себе такого заботливого супруга”.

Вэй Циншань мягко ответил: “Это я счастлив, что женился на таком хорошем фулане”.

Так Линь Юй и проспал всю дорогу, положив голову на ладонь Вэй Циншаня, и лишь у входа в деревню тот разбудил его. Линь Юй, всё ещё сонный, поднялся: “Уже приехали?”

“Угу. Дома доспишь”.

После сна он выглядел куда бодрее. Когда они вернулись, было уже после полудня, и так как в городе они уже поели, голода не чувствовалось.

Линь Юй, едва вернувшись домой, сразу выпустил запертых цыплят, а Вэй Циншань пошёл

греть воду. Потом он принёс горячей воды, чтобы Линь Юй мог умыться.

Он вытащил в переднюю комнату самую большую деревянную кадку для стирки одежды: “Гээр Юй, как закончишь — иди мыться”.

“Иду”.

Увидев посреди комнаты большую кадку, Линь Юй слегка покраснел. Раньше, пока стояли холода, он лишь протирался, а теперь, когда потеплело, купаться уже не было так холодно.

“Ты сначала мойся, я пока Дахэю и Байсюэ еду приготовлю”.

Линь Юй кивнул. Вэй Циншань прикрыл дверь и вышел. В доме со вчерашнего дня оставалась половина рыбы. Он отрубил голову и сварил из неё похлёбку для двух собак, замочив туда ещё и кукурузные лепёшки.

Когда Линь Юй вымылся и переоделся в чистую короткую куртку, он вышел во двор. Все его короткие куртки были сшиты из переделанных вещей Вэй Циншаня, новые одежды ему было жаль надевать для работы.

Только после того, как Линь Юй закончил, Вэй Циншань пошёл мыться сам. Линь Юй сидел во дворе, отжимая волосы. Он уже думал, что потом постирает их грязные вещи.

Когда Вэй Циншань помылся, он позвал его: “Гээр Юй, волосы высохли? Высохли — иди отдыхать”.

Линь Юй не имел привычки спать днём: “Я не сонный, ты ложись”.

“Иди сюда”.

Услышав строгий тон, Линь Юй подошёл. Вэй Циншань уже постелил постель: “Быстро ложись спать. Иначе надорвёшь здоровье. Помнишь, что я говорил?”

Линь Юй кивнул и, покраснев, лёг. Нельзя надрывать, иначе детей не сможет родить.

Вэй Циншань вынес воду, управился и тоже прилёг вздремнуть.

Когда он проснулся, Линь Юй всё ещё спал. Тогда он сам постирал их вещи и развесил сушиться.